

правление „второго южнославянского влияния“? Прежде всего, — вводя в литературу „до экзальтации повышенную эмоциональность“ (стр. 31), а также усиливая „экспрессивность и эмфатичность“ выражения (стр. 31—32). Чтобы установить более непосредственный контакт с читателем, представители стиля „плетения словес“ прибегают к таким средствам, как повторение одного и того же понятия в многочисленных подобранных синонимах, привлекая внимание читателя игрой слов, насыщенных таинственными намеками, пытаясь скорее поразить воображение, чем убедить логической аргументацией. В общем речь идет о разрыве с утяжеленной литературной техникой прошлого, об отходе от готовых сочетаний и фраз в страстных поисках выразительных средств. Лихачев отмечает, что авторы 15 века уходят от старых тем («Авторы ... подыскивают слова и образы, не удовлетворяясь найденным...»), чувствуют недостаточность языка, жалуется на собственное бессилие полностью выразить идеи, оценивают значимость слова во всем богатстве его содержания («авторы житий постоянно говорят о своем бессилии выразить словом всю святость святого... пишут о своем невежестве, неумении, неучености, молятся о даровании им дара слова... сами слова оказываются дороже „тысящ злата и серебра“, дороже злата и „тимпазия“, дороже камни „самфира“ и слаще меду...» — стр. 35).

«Как же в таком случае примирить новый стиль с общей древнерусской тенденцией к „абстракции“? Если, основываясь на предыдущих указаниях автора, понимать „абстракцию“ в значении негибкости формул и вытекающей отсюда ограниченности в выборе стилистических средств, то не было бы сомнения в „антиабстрактной“ направленности у представителей стиля „плетение словес“. С этой точки зрения школа „южнославянского влияния“ представляется нам устремленной к поискам „конкретного“, т. е. к реальному соотношению между формой выражения и значением, между формой и содержанием».²

Остановлюсь на последнем замечании Р. Пиккио. Он считает, что «конкретное» (в противоположность абстрактному) есть реальное соотношение между «формой выражения и значением, между формой и содержанием», т. е. «конкретность» для Р. Пиккио равняется точности выражения. Именно такова «конкретность» и для Б. В. Томашевского, цитату из «Теории литературы» которого я привел в своей работе, не разъяснив различия между его и моим употреблением этого слова.

Между тем, когда я говорю о конкретности, я имею в виду «материальность», «вещность», «единичность явлений» внешнего мира, которые стремится подчеркнуть, выявить конкретизирующий художественный метод. Абстрагирующий художественный метод стремится выявить в действительности общее вместо единичного, «духовное» вместо материального, внутренний, религиозный смысл явлений. Абстрагирующие тенденции могут быть отмечены и в высоком стиле XI—XIII вв., и в новом, так называемом южнославянском стиле конца XIV—XV в., но характерно, что в обоих случаях перед нами «высокие» стили и эти высокие стили тесно связаны с сугубо церковными сюжетами. Абстрагирование может быть отмечено в житиях и проповедях, но его не будет в собственно летописном стиле — там, где нужна регистрация единичных явлений. Художественное задание определяет выбор средств.

Абстрагирование не едино. Оно может иметь существенные нюансы. Стиль русской церковной литературы времени второго южнославянского

² Переводы выдержек из статьи Р. Пиккио принадлежат Р. М. Гороховой.